

Виктория Белоус*Національна металургічна академія України (Днепр, Україна)*

Автономность и зависимость как факторы создания постиндустриальных социальных пространств

Цель данной статьи - раскрыть новые формы взаимосвязи социального пространства и индивидуального субъекта, которые возникают в рамках компьютерной революции и становления постиндустриального общества.

Методы исследования - вскрытие связи исторического и логического, выявление основных диалектических противоречий, использование компаративистского, структурного и герменевтического подхода.

Новизна: использование категорий автономности и зависимости как характеристик, которые позиционируют индивидуального субъекта в социальном пространстве. Автономность определена как целостность субъекта в совершении любой формы выбора. Зависимость понимается нами как невозможность для субъекта совершения выбора без внешних воздействий (указаний или дополнительной информации).

Также, введено понятие «секторального субъекта» - это «слабый» искусственный интеллект (ИИ), который создан для выполнения узкого набора функций, но уже может выполнять отдельные социальные практики и тем воздействовать на структуры социального пространства. «Секторальные субъекты» позволяют создавать локусы/поля социального пространства, существующие без прямой поддержки индивида как работника.

Установлено, что «слабые» ИИ могут снижать или повышать приватность субъекта, что воздействует на его зависимость. А, также, поддерживать псевдодискуссионные практики взаимодействия с индивидом, которые снижают его автономность. Вместе с тем, они способны увеличивать автономность индивида, автоматически выполняя часть его социальных практик. Также, предложена схема, которая демонстрирует соотношение целостности/секторальности субъекта и унитарности/локусности его социального пространства.

Выводы: Виртуализация социального взаимодействия приводит к снижению роли территориального расположения индивида, но не приводит к полному отказу от приватного. Поддержание приватности является необходимым условием автономности субъекта. Приватным становится не жилище или физиология индивида сами по себе, а взаимодействие субъекта с подчиненными ему «секторальными субъектами», а также контроль над качествами части локусов/полей социального пространства. В таких условиях сохранение автономности субъекта потребует освоения индивидом целого набора практик для поведения в новом социальном пространстве.

Ключові слова: *суб'єкт, соціальне простірство, приватність, публичність, секторальний суб'єкт, локус/поле.*

Viktoriia Bilous*National Metallurgical Academy of Ukraine (Dnipro, Ukraine)*

Autonomy and Dependence as Factors in the Creation of Post-Industrial Social Spaces

The purpose of this article is to reveal new forms of the relationship between social space and the individual subject, which arise within the framework of the computer revolution and the formation of a post-industrial society.

Research methods - revealing the connection between the historical and the logical, identifying the main dialectical contradictions, using the comparative, structural and hermeneutic approach.

Novelty: the use of the categories of autonomy and dependence as characteristics that position the individual subject in the social space. Autonomy is defined as the integrity of the subject in making any form of choice. Dependence is understood by us as the impossibility for the subject of making a choice without external influences (instructions or additional information).

Also, the concept of a "sectoral subject" was introduced - this is a "weak" artificial intelligence (AI), which is created to perform a narrow set of functions, but can already perform certain social practices and thus affect the structures of social space. "Sectoral subjects" allow you to create loci / fields of social space that exist without the direct support of the individual as a worker.

It has been established that "weak" AI can reduce or increase the privacy of the subject, which affects his dependence. Also, support pseudo-discussion practices of interaction with the individual, which reduce his autonomy. At the same time, they are able to increase the autonomy of the individual, automatically performing part of his social practices. Also, a scheme is proposed that demonstrates the relationship between the integrity / sectorality of the subject and the unitarity / locuality of his social space.

Conclusions: The virtualization of social interaction leads to a decrease in the role of the territorial location of the individual, but does not lead to a complete rejection of the private. Maintaining privacy is a prerequisite for the autonomy of the subject. It is not the dwelling or the physiology of the individual itself that becomes private, but the interaction of the subject with the subordinate “sectoral subjects”, as well as control over the qualities of a part of the loci / fields of the social space. In such conditions, preserving the autonomy of the subject will require the individual to master a whole set of practices for behavior in a new social space.

Keywords: Subject, Social Space, Privacy, Publicity, Sectoral Subject, Locus/Field

Вікторія Белоус

Національна металургійна академія України (Дніпро, Україна)

Автономність і залежність як чинники створення постіндустріальних соціальних просторів

Мета даної статті - розкрити нові форми взаємозв'язку соціального простору і індивідуального суб'єкта, які виникають в рамках комп'ютерної революції і становлення постіндустріального суспільства.

Методи дослідження - розтин зв'язку історичного і логічного, виявлення основних діалектичних протиріч, використання компаративістського, структурного і герменевтичного підходу.

Новизна: використання категорій автономності та залежності як характеристик, які позиціонують індивідуального суб'єкта в соціальному просторі. Автономність визначена як цілісність суб'єкта в здійсненні будь-якої форми вибору. Залежність розуміється нами як неможливість для суб'єкта здійснення вибору без зовнішніх впливів (вказівок або додаткової інформації).

Також, введено поняття «секторального суб'єкта» - це «слабкий» штучний інтелект (ШІ), який створений для виконання вузького набору функцій, але вже може виконувати окремі соціальні практики і тим впливати на структури соціального простору. «Секторальні суб'єкти» дозволяють створювати локуси / поля соціального простору, існуючі без прямої підтримки індивіда як працівника.

Встановлено, що «слабкі» ШІ можуть знижувати або підвищувати приватність суб'єкта, що впливає на його залежність. А, також, підтримувати псевдодискусійні практики взаємодії з індивідом, які знижують його автономність. Разом з тим, вони здатні збільшувати автономність індивіда, автоматично виконуючи частину його соціальних практик. Також, запропонована схема, яка демонструє співвідношення цілісності / секторального суб'єкта і унітарності / локусності його соціального простору.

Висновки: Віртуалізація соціального взаємодії призводить до зниження ролі територіального розташування індивіда, але не призводить до повної відмови від приватного. Підтримка приватності є необхідною умовою автономності суб'єкта. Приватним стає житло або фізіологія індивіда самі по собі, а взаємодія суб'єкта з підлеглими йому «секторальними суб'єктами», а також контроль над якостями частини локусів / полів соціального простору. В таких умовах збереження автономності суб'єкта зажадає освоєння індивідом цілого набору практик для поведінки в новому соціальному просторі.

Ключові слова: суб'єкт, соціальний простір, приватність, публічність, секторальний суб'єкт, локус/поле.

Введение.

Продолжающийся в мире переход к постиндустриальному обществу сопровождается разноплановыми кризисами. Проблема изучения поведения индивидуальных субъектов в социальном пространстве по-прежнему сохраняет свою актуальность, потому что трансформации индивида, форм проявления его субъектности являются одной из базовых составляющих перехода к постиндустриальному обществу. С одной стороны, это источник неизменных конфликтов, с другой — возможность качественно улучшить коммуникацию, создать новые области человеческого взаимодействия.

Фактор, который может играть определяющую роль в деятельности субъекта - это его «автономность» (и её обратная сторона «зависимость»).

Автономность в контексте нашего рассмотрения — это сохранение целостности субъекта при совершении выбора. Соответственно, зависимость, - это невозможность для субъекта совершения выбора без внешних воздействий (указаний, дополнительной информации и т.п.). Совокупность автономностей каждого субъекта в социальных отношениях в сумме создает некое пространство, которое качественно отличается от

единичного взаимодействия. В рамках этого социального пространства и возникает необходимость характеризовать постиндустриального субъекта. Соотношение индивидуального субъекта с многочисленными коммуникативными и медийными пространствами порождает специфическую автономность и зависимость. Поэтому, сейчас актуальным становится определение качественно новых форм взаимодействия социального пространства и индивидуального субъекта, которые возникают в процессе перехода к постиндустриальному обществу.

Цели статьи:

- определить снижение роли физического присутствия при социально значимых действиях и увеличение значения виртуальности, что приводит к новому формированию полисубъектности индивида и каково становится для его автономности роль «аватара» и других виртуальных образов;

- проследить трансформацию автономности индивида при изменении соотношения приватного/публичного, где общественное социальное пространство благодаря видеосвязи расширяется вплоть до жилища практически каждого индивида;

- прояснить вопрос статуса «слабого искусственного интеллекта», автоматически выполняющего часть функций в социальном пространстве, как полноценного субъекта. Выявить динамику изменения автономности индивида, вынужденного взаимодействовать с автоматизированными виртуальными образами, которые выполняют по отношению к нему социально значимые действия;

- определить специфику видов социального пространства (например, «пространства презентации» по А. Лефевру) при изучении взаимовлияния автономности и зависимости субъекта.

Методы исследования: вскрытие связи исторического и логического, основных диалектически противоречий, характерных для объекта исследования. Использование компаративистского и герменевтического подхода.

Обзор литературы и подходов к определению предмета:

Проблеме социального пространства посвящены работы большого количества

авторов, как классиков – А. Лефевра [9], Н. Лумана [10, 11], М. Кастельса [8], Дж. Урри [16], так и современных исследователей – В.И. Палагуты [14], В.И. Ильина [7], О.В. Сенюры [15], Ю. Ф. Флоринской [17]. Однако, принципиальная трансформация субъекта, вызванное компьютерной революцией, как правило, оказывается за пределами границ исследований. К примеру, такой авторитетный в научной среде ученый как Дж. Урри отказывался допускать возможность слияния человека с машиной [16, с.118].

Социальные пространства структурируются отношениями между индивидами и капиталом как дефицитным ресурсом. А. Лефевр в своей работе «Производство пространства» утверждает, что «предметом исследования выступает логико-эпистемологическое пространство, пространство социальной практики, занятое чувственными явлениями, в число которых входят и воображаемое, проекты и проекции, символы, утопии» [9, с.26-27]. Физическое пространство, ментальное (логическое) и социальное образуют единство, формирует новое качество отношений между субъектами.

Представление о том, что социальное пространство есть социальный продукт [8, с.44] и зависит от общего развития средств производства и форм коммуникации, которое требует признать, как неоспоримый факт, - постиндустриальная экономика формирует и постиндустриальное социальное пространство.

Результаты исследования:

Исходя из поставленных целей статьи представляет интерес вопрос: как можно охарактеризовать существующее социальное пространство украинского общества?

Возьмем в качестве отправной точки рассуждений идею А. Лефевра: «Целые страны тормозят промышленное развитие, чтобы сохранить... свои пространства репрезентации под натиском индустриального пространства» [9, с.131]. Украинское общество является прямой противоположностью этого тренда на консервацию культуры, так как за последнее столетие дважды проходила радикальнейшую трансформацию социального пространства, как следствие

радикальной смены производственного уклада и политической системы.

Во-первых – индустриализация и урбанизация 20-70-х гг. Социальное пространство деревни было либо целиком разрушено, либо фрагментировано, чтобы добиться гомогенности индустриального пространства [9, с.158]. Индустриальное социальное пространство основано на предельно жестком разделении семьи и работы. Суточный цикл колебаний населения диктует необходимость постоянного перемещения через тамбуры (транзитивные пространства [7], они же «неместа» [16, с.96]), шлюзы-приемники-лифты-проходные-прихожие. Приходить каждое утро на вокзал и выбирать один и тот же маршрут движения на работу и с работы для индивида – это практически отсутствие выбора. Соответственно, развивается набор психических отклонений, характерных для жителей мегаполисов.

На этом фоне рабочее место для индивида – неполноценная вариация дома. Социальные практики весьма ограничены, цели связаны с жизненным циклом индивида как работника. Семья при этом фактически ограничена из-за отсутствия у индивида широких возможностей по образованию детей. В таких условиях автономность как целостность субъекта в совершении смысложизненного выбора ограничена. Безусловно, имеется определенная свобода выбора в части карьеры, в создании своего социального образа. Но, одновременно существует постоянная зависимость, которая была неведома крестьянину. Типичной фобией горожанина является постоянное формирование воображаемой зависимости, при невозможности осуществления выбора. Но самое главное, субъект не целостен, потому как не до конца понимает информационные данные, с которыми работает. Характерный пример приводит Дж. Гэлбрейт, который отметил, что чиновник лишь ставит подпись под коллегиальным решением административного аппарата [4, с.105].

Во-вторых, идущий сейчас в украинском обществе процесс деиндустриализации. Казалось бы, удаленная работа снимает разделенность социального пространства индивида. Но во многом это иллюзия.

Для её устранения попробуем применить структурный анализ: «каждая частная система воспроизводит охватывающую систему, к которой она принадлежит, посредством собственного (специфического для частной системы) различия системы и окружающего мира» [11, с.9-10]. И в современном обществе важнейшей становится функциональная дифференциация, когда не существует единой для всех стратификации, ранговой системы – в каждой специализации она своя [11, с.27-28]. Тем самым, социальное пространство делится именно функционально. Рассмотрим эти трансформации.

А) Из-за революции в средствах коммуникации физическое пространство принципиально меняет свою роль по отношению к социальному пространству. «Электрическая скорость смешивает доисторические культуры с горстками индустриальных торговцев, бесписьменные культуры – с полуписьменными или послеписьменными» [13, с.11]. А. Лефевр писал об «отдалении» физического пространства [9, с.44]. Но «устранение» физического расстояния было лишь первым этапом. Прошел отрыв индивида от своего образа (аватар, ник-нейм) и перенос этого образа в заведомо виртуальные пространства (социальные сети). При этом каждый виртуальный образ функционально отделен от другого. Имеются игровые аватары, социально-конструктивные, чисто деловые. То есть, формируется полисубъектность индивида, допускающая его присутствие во многих социальных пространствах. От индустриальной эпохи нынешнее положение принципиально отличает тот факт, что «аватары» могут сохраняться при смене индивида, который ими управляет. Тем самым, полисубъектность современного индивида приводит к проблемам в целереализации. Социальное пространство наполняется пастишем, постоянной вторичностью, которые «бесцельная пародия, статуя со слепыми глазами яблоками». Типичной психологической проблемой становится формирование интернет-зависимости, когда индивид ничего не может делать, из-за чего во многом лишается своей субъектности. Развиваются прокрастинация и дефицит внимания.

Б) Работник за компьютером, как представитель интенсивно формирующего сейчас социального класса персоналиата, порой не обладает монопольным контролем за своим собственным домом, так как работодатель отслеживает присутствие работника около компьютера. Происходит важная трансформация, выражающаяся в том, что социальное пространство дома утрачивает свою границу. Н. Луман отмечает, что еще в сегментарных обществах «символизация границ наделяется особой ценностью» [11, с.58]. Одновременно происходит привнесение домашнего, личного в принципиально иные социальные пространства. Традиция «временного дома» доведена до буквально гротескных форм, когда работник может и дома-то не иметь, а спать в капсульных отелях, хранить документы в сетевом «облаке» и т.д.

Соотношение приватное/публичное сейчас быстро изменяется. Формируется тренд на включение в социальное пространство (его виртуальную часть) физиологию субъекта. Но, вместе с тем, чтобы быть субъектом, без приватного обойтись невозможно.

В) Противоречие временной миграции, выражающейся в необходимости для индивида периодически выходить из-под контроля своего государства для заработка, что указывает на проблему его существования вообще без статуса гражданина. Автономия субъекта снижается или элиминируется в том смысле, что необходимость краткосрочного заработка диктует форму принятия решения, согласно которому конъюнктура противоречит долговременному планированию. Оформляется взаимодополнение экономической анонии (состояние неопределенности) общества и личностной анонии индивида.

Г) Обострение проблемы зависимости в медийном и коммуникационном постиндустриальном пространстве. Целостное медийное и коммуникационное пространство предусматривает возможность оперативно решать весь спектр проблем. Украинское общество в этом смысле, используя терминологию И. Валлерстайна [3] и О. Шпенглера является типичным примером мировой периферии.

Квалифицированный специалист не может владеть только государственным языком, подразумевается еще два. То есть отечественное коммуникационное поле принципиально не целостно.

Любое информационное поле стремится к монополии, и его целостность начинает противопоставлять себя объективной действительности.

«...ежедневная абсорбция недоверия посредством масс-медиа генерирует факты, которые затем, при дальнейшей коммуникации, можно рассматривать как таковые» [10, с.256]. Создаются стереотипизированные образы ожидания, которые необходимы для понимания и интроспекции, поддержания процесса коммуникации. Их можно назвать симулякрами, мемами и т.п. Они образуют единицы коммуникации в социальном медиа-пространстве.

Анализируя самоидентификацию социального субъекта, В. И. Палагута рассматривает противоречие: «с одной стороны, необходимо осмыслить «возникновение субъекта» исходя из дискурса, концепта Другого...». С другой стороны, субъект не возникает из пустоты, он «должен показать, что способен расслышать во множестве дискурсов знак собственного существования (имя собственное, социальные категории и смыслы, знаки власти, опознаваемые как имеющие отношение к его Я)» [14, с.278]. Разрешается это противоречие через «предположение, что со стороны субъекта должно совершиться некое встречное движение, некоторый встречный порыв, который инвертирует социальное означивание в самоозначивание» [14, с.279].

Здесь возникает специфическая ловушка постиндустриального социального пространства: индивиду обеспечиваются условия для подобного отклика, для встречного движения, где созданы псевдодискуссионные практики. Виртуальные псевдосубъекты, делающие из индивида такого же псевдосубъекта, создают своеобразный лабиринт без цели (виртуальные игры), который сопоставим с деструктивными религиозными практиками. Но если цели деятельности заведомо пусты, иллюзорны, то любой выбор при их достижении так же пуст, не-бытиен.

Следовательно, автономия в подобном квазисоциальном пространстве невозможна.

Перечислив наиболее очевидные свойства постиндустриального социального пространства, характерных для украинского общества, нельзя не столкнуться с новой проблемой, указующей на взаимосвязь социального пространства и компьютерного псевдосубъекта. Она неизбежно шире, чем манипуляция отдельным индивидом. Так, компьютеры образуют сеть, представляющей из себя как совокупность отдельных программ, так и создающийся «интернет вещей». Виртуализация общения и обрабатывающий информацию компьютер становятся базовыми для структур нового социального пространства, что определяет автономию субъекта.

При этом, необходимо принимать во внимание тот факт, что сейчас получают повсеместное распространение «слабые искусственные интеллекты» - узкоспециализированные программы. Однако парадоксальность ситуации заключается в том, что даже такие «слабые искусственные интеллекты», которые люди не считают равными себе, уже могут активно формировать социальное пространство.

С. Жижек, рассуждая о киберпространстве, поднимает вопрос отношения человека к машине: «Представим на минутку... существует онтологически-филёрская гарантия того, что машина не представляет угрозы для уникальности человека, я могу воспринимать её спокойно и играть с ней» [6, с.235]. Лишь в частичной иллюзорности (диалектической – мы там можем все, но в реальности почти не шевелимся), что является основанием того, что субъект фактически децентрализуется (в лакановском смысле).

Но что тогда меняется в современных социальных практиках индивида?

Так, в былые времена отдельный бюрократ, воплощая функцию мега-машины, говорил со случайным индивидом как программа, но оставался при этом человеком. Сейчас программы проходят тест Тьюринга. То есть, у пользователя возникает иллюзия субъекта-собеседника, который не является автономным субъектом везде, кроме очень узкой области (программа-клерк). Но за счет того, что пользователь

как бы контролирует остальные сферы своих социальных отношений (к примеру, она не диагностирует вас медицинским образом), что указывает на секторальность в субъектности, которая пользователя до некоторой степени устраивает. Потеря приватности может быть допустима, если индивид общается не с полноценным субъектом, а с «секторальными», со слабым ИИ. Пока сбор данных о пользователе не стал полноценным шпионажем, когда давление «секторального» субъекта не воспринимается как полноценное воздействие Другого, как взаимодействие с полноценным субъектом.

Но ведь «слабые» ИИ кто-то программирует? Насколько программы и нейросети вообще можно считать полноценными субъектами? И как «секторальные» субъекты соотносятся с индивидуальным субъектом?

Так, когда индивид пользуется множеством аватар-утилит (автоответчик, программ-брокер на бирже и т.п.), то его субъектность становится пирамидальной. Аватары-утилиты обеспечивают индивиду то качество, которое С. Жижек называет «интерпассивностью»: «Решающим здесь становится рефлексивное превращение «Другой делает это для меня, за меня, вместо меня» в «я делаю это посредством Другого» [5, с.34]. То есть, происходит не просто «делегирующее полномочий» как в бюрократических пирамидах, состоящих из квазиавтономных индивидуумов, а скорее всего расщепление субъекта, приобретение им специфической полисубъектности.

Однако, доминирование человека как субъекта по отношению к служебным программам не может быть абсолютным. Он вынужден прибегать к помощи профессиональных специалистов. И то, как соотносятся «утилиты» различных индивидуальных субъектов (или как люди относятся к таким утилитам, а утилиты к людям) формирует новое, уже постиндустриальное социальное и коммуникативное пространство.

Но, здесь возникает новое различие в дифференциации - по уровню субъектности (самостоятельности в принятии решений). «Секторальные» субъекты действуют в ограниченной ситуации. К примеру, человек

как водитель авто имеет возможность совершать неизмеримо больше выборов. Чем более полноценен субъект, тем выше полнота набора ситуаций, в которых он может осознанно совершать выбор, быть автономным. Достигается основное требование дифференциации по Н. Луману, согласно которому самоподобность частного в общем, некая фрактальность, задаваемая через отношение системы к её границе.

Согласно А. Лефевра социальное пространство определяется триединством: «а) пространственная практика, включающая в себя производство и воспроизводство ...; б) репрезентации пространства, связанные с производственными отношениями; с) пространства репрезентации, предлагающие сложную (кодированную и нет) символику, связанную с потаенной, подпольной стороной общественной жизни, а также с искусством». [9, с.47]

Но, насколько триединство этих трех плоскостей взаимодействия будет обретать новую специфику в постиндустриальном пространстве?

А) «Пространственная практика» проявляет себя в универсально-виртуальном пространстве. Так, полноценный социальный субъект сегодня неотделим от интерфейса. Утилиты загружаются в практически любые устройства, что свидетельствует о становлении интернета вещей. Индивид уже не может просто выйти из офиса, и, тем самым, отделить себя от рабочих процессов, четко разделить своё время на рабочее и нерабочее. Аналогична и связь производственных процессов по всему миру, когда информацию передают в громадных объемах. То есть, социальное пространство стремится сжаться в точку, сократиться.

При этом, диалектически это же пространство представлено все увеличивающимся количеством лишь опосредованно связанных локусов/полей. Каждый стартап претендует на уникальность и до момента своей продажи должен быть принципиально закрыт, засекречен.

На фоне противоречия между виртуальными локусами/полями и почти бесконечной прозрачностью, и проницаемостью социального пространства виртуальности суточные миграции, суточные колебания «человека из пригородов» [9, с.

52] могут показаться чистым атавизмом. Но они указывают на следующий феномен: там, где субъект не может разделить самого себя, «утилиты» либо оказываются максимально привязанными к производству, либо к центру обработки данных. Достаточно оценить проблему конфиденциальности деловых переговоров или передачи очень больших объемов информации, чтобы подтвердить предположение М. Кастельса, согласно которого виртуальная сеть не может существовать без узлов.

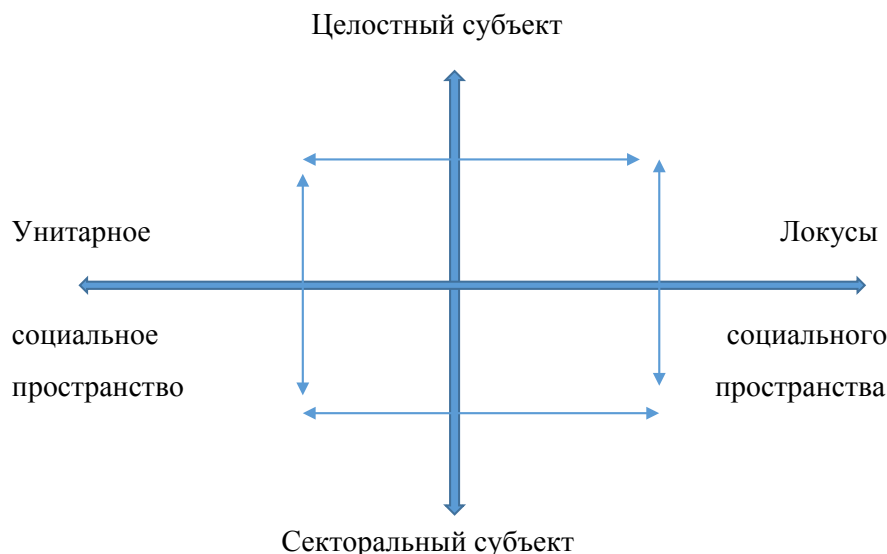
Таким образом, «пространственная практика» на основе частичного разделения субъекта позволяет достичь и сильной дифференциации «человечности», «насыщенности человеческим вниманием» пространств. Программы общаются с программами, удовлетворяя общественные потребности в продукте, но всё меньше контактируя с отдельным индивидом.

Однако, абсолютная разделенность субъекта в социальных пространствах практически недостижима и чрезмерно затратна, как и его абсолютная целостность.

Следовательно, можно предположить следующее схематическое соотношение целостности/секторальности субъекта и унитарности/локусности его социального пространства практики.

Образ максимально разнообразного взаимодействия «секторальных» субъектов в унитарном социальном пространстве предоставляют поисковые и справочные программы. Им требуется под очень узкую функцию или под отдельный запрос получить доступ к самым разным базам данных, взаимодействуя с программами, охраняющими безопасность всех этих систем. К примеру, этому квадранту схемы соответствует совещание чиновников из разных министерств в нерабочее время, когда эти мало знакомые друг другу люди просто пытаются согласовать часть документов. Если же они стандартизируют и форму общения, ведя переговоры в служебной обстановке, то совершается переход в локусы социального пространства, и, одновременно, их целостность как субъектов еще более снижается, поскольку они могут выражать исключительно официальную точку зрения своей бюрократической структуры.

Схема 2. Соотношение субъекта и социального пространства

Таким образом можно рассматривать взаимосвязь целостности субъекта (как показатель его автономии и зависимости) с целостностью социального пространства.

Б) «репрезентации пространства», задуманное как пространство знаков. Но если к такому пространству можно отнести юридические отношения, то оно непременно находится в перманентном конфликте. Разные юридические системы, разные государства и т.п. не могут прийти к полной гомогенности. Одновременно растут возможности машинного перевода. К этой же группе можно отнести Интернет, в пространстве которого постоянно воспроизводится образ диалога, который ведет аватар пользователя с подобным аватаром: вопросы и ответов не столько осмысливаются, сколько воспроизводится «аватарами» из контекстных подсказок.

В) «Пространство символики», пространство искусства как заведомо условного.

В индустриальную эпоху: «Радикальная индустриализация искусства, его всемерное приспособление к достигнутым техническим стандартам приходит в коллизию с теми факторами в искусстве, которые сопротивляются включению его в общую систему общественно-экономических отношений» [1]. С изобретением книгопечатания появились принципиально новые возможности

по мультиплицированию продукта, М. Маклюэн описал этот процесс в «Галактике Гуттенберга» [12]. На смену паре «сказитель-переписчик», когда на всех умеющих читать книг не доставало, а театр считался более эффективным способом распространения ценностей и мировоззрения в целом, чем дорогостоящие книги со временем пришла пара «писатель-издатель». Возникла массовая художественная литература.

Постиндустриальное искусство в этом смысле не только принципиально новая пара социальных ролей «программист-пользователь» (дизайнер игры - игрок), но и возможность любому индивиду быть самому автором.

И как закономерный результат – коммуникативные пространства стремятся ко всё большему разнообразию, основанному на качественном единстве виртуального. В пределе для каждого пользователя возникает своя вселенная, в каждой области деятельности могут возникать свои авторитеты, происходит естественное разобщение и различие на уровне людей как субъектов. Но, одновременно, устанавливается стилистическое единство, ибо создавать эти «вселенные» программы будут всё равно по схожим эстетическим и маркетинговым принципам. Это находит подтверждение в том, что на уровне инструментов-утилит наблюдается

теснейшее объединение. Например, у самых разных пользователей сейчас есть почти стандартные наборы программ – графических, текстовых и т.п.

Выводы.

Современные технические возможности позволяют создать качественно новое (с большим количеством виртуальных локусов/полей) социальное пространство. Меняется существовавшая в индустриальную эпоху взаимосвязь между автономностью субъекта и целостностью социального пространства. Индивидуального субъекта, кроме существовавшей полисубъектности, дополняют слабые разновидности искусственного интеллекта (ИИ), которые можно назвать «секторальными субъектами». Роль последних разнообразна. С одной стороны, созданы псевдодискуссионные практики взаимодействия с «секторальными субъектами». Они снижают автономность индивида, социальное пространство при этом наполняется «пастишем». Новая полисубъектность индивида приводит к проблемам его целереализации. С другой стороны, создано множество утилитарных инструментов работы с информацией.

Происходит размывание границ локусов/полей, характерных для социального пространства индустриальной эпохи: теперь индивид может быть привлечен к выполнению рабочих функций практически в любое время, при любом своем местоположении. Но виртуализация социального пространства не приводит к полному отказу от приватного.

Приватным становится не жилище или физиология индивида сами по себе, а взаимодействие субъекта с подчиненными ему «секторальными субъектами», контроль над качеством части локусов/полей социального пространства. Снижается роль территориального местоположения индивида.

Однако, полная фрагментация социального пространства и бесконечное увеличение количества локусов/полей невозможно. Социальное пространство сохраняет инфраструктурную связь преимущественно с городами, а, также, поддерживает единство стандартов собственной структуры. В таких условиях сохранение автономности субъекта потребует освоения индивидом целого набора практик для поведения в новых видах социального пространства.

Представляется возможным указать на следующие направления дальнейших исследований:

- изучение связей экологизма и трансгуманизма в контексте развития постиндустриального общества. Социум можно рассматривать в контексте глобальных эволюционных изменений, охватывающих биосферу и технику;

- исследование трансформаций субъектности индивида в техно-биологических клиентах и микросоциумах;

- рассмотрение всего многообразия функциональных взаимосвязей унитарности социального пространства и целостности субъекта.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ

1. Адорно Т., Хоркхаймер М., «Диалектика просвещения». М, Спб: Медиум, Ювента, 1997. - 312 с.
2. Беленюк О.А., Мацко-Демиденко І.В. Рекреаційна поведінка громадян України в контексті здоров'язбереження // Український соціум – 2017. – №1 (60). – С.32–48.
3. Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века/Пер. с англ. под ред. В.И. Иноземцева. - М.: Логос, 2004. - 368 с
4. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество М.: АСТ, 2004. – 602с.
5. Жижек С. Интерпассивность. Желание: Влечение. Мультикультурализм СПб.: Алетейя, 2005.- 156 с.
6. Жижек С. Чума фантазий Х.: «Гуманитарный центр», 2017. - 388с.
7. Ильин В.И. Социальная структуризация в транзитивном пространстве российского мегаполиса// Мир России. Социология. Этнология. – 2010, №1 – с.89-125
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - 608 с.
9. Лефевр А. Производство пространства / Пер. с фр. — М.: Streike Press, 2015. — 432 с.
10. Луман Н. Самоописания М.: Издательство «Логос», «Гнозис». 2009. - 320с.
11. Луман Н. Дифференциация М.: Издательство «Логос». 2006.- 320 с.
12. Маклюэн Г.М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, - 2005. 496с.
13. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека М.: «Кучково поле», 2003. – 464с.

14. Палагута В.И. Самоидентификация социального субъекта в дискурсивных пространствах. Монография. – Днепропетровск: «Иновация», 2010. – 440с.
15. Сенюра О.В. Чинники трансформації соціального простору міста в соціологічному дискурсі // Науково-теоретичний і громадсько-політичний альманах «Грані». – 2015. – Т. 18, № 8. С. 81-89.
16. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия / пер. с англ. Д. Кралечкина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. — 336 с.
17. Флоринская Ю. Ф. Трудовая миграция из малых российских городов как способ выживания / Ю. Ф. Флоринская // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 79–87.

REFERENCES

- Adorno, T., & Horkhajmer M., (1997) *Dialektika prosveshhenija*. [Dialectics of Enlightenment] M, Spb: Medium, Juventa. [in Russian]
- Byelyenok, O. A., & Maczko-Demy'denko I. V. (2017) *Rekreacijna povedinka gromadyan Ukrainy' v konteksti zdorov'yazberezheniya* [Recreational behavior of Ukrainian citizens in the context of health care]. *Ukrayins'ky'j socium*, 1 (60), 32–48 [in Ukrainian]
- Wallerstein, I. (2004) *Konec znakomogo mira: Sociologija XXI veka* [The End of the World as We Know It: Social Science for the Twenty-First Century.] M.: Logos. [in Russian]
- Galbraith, J. (2004.) *Novoe industrial'noe obshchestvo* [New industrial society] M.: AST. [in Russian]
- Zhizhek, S. (2005) *Interpassivnost. Zhelanie. Vlechenie. Mul'tikul'turalizm* [Interpassivity. Desire: Attraction. Multiculturalism] SPb.: Aletejja. [in Russian]
- Zhizhek, S. (2017) *Chuma fantazij* [Plague of fantasy]. H.: «Gumanitarnyj centr». [in Russian]
- Il'in, V. I. (2010) *Social'naja strukturacija v tranzitivnom prostranstve rossijskogo megapolisa* [Social structuring in the transitive space of the Russian metropolis]. *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*. 1, 89-125 [in Russian]
- Castells, M. (2000) *Informacionnaja epoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura* [Information Age: Economy, Society and Culture]: Per. s angl. pod nauch. red. O.I. Shkaratana. - M.: GU VShJe. [in Russian]
- Lefebvre, H. (2015) *Proizvodstvo prostranstva* [The Production of space] M.: Streike Press. [in Russian]
- Luman, N. (2009) *Samoopisanija* [Self-description] M.: Izdatel'stvo «Logos». [in Russian]
- Luman, N. (2006) *Differenciacija* [Differentiation] M.: Logos. [in Russian]
- McLuhan, G. M. (2005) *Galaktika Gutenberga. Stanovlenie cheloveka pechatajushhego* [The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man]. M.: Akademicheskij proekt. [in Russian]
- McLuhan, G. M. (2003) *Ponimanie media: Vneshnie rasshirenija cheloveka* [Understanding Media: The Extensions of Man] M.: «Kuchkovo pole». [in Russian]
- Palaguta, V. I. (2010) *Samoindentifikacija social'nogo sub#ekta v diskursivnyh prostranstvah* [Self-identification of a social subject in discourse spaces]. *Monografija*. – Dnepropetrovsk: «Innovacija». [in Russian]
- Senyura, O. V. (2015). Factors of transformation of social space of city in sociological discourse. *Scientific and Theoretical Almanac Grani*, 18(8), 81-88. <https://doi.org/10.15421/1715161>
- Urri, J. (2012). *Sociologija za predelami obshhestv: vidy mobil'nosti dlja XXI stoletija* [Sociology Beyond Societies Mobilities for the Twenty-First Century] per. s angl. D. Kralechkina; Nac. issled. un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki. [in Russian]
- Florinskaja, Ju. F. (2006). *Trudovaja migracija iz malyh rossijskih gorodov kak sposob vyzhivaniya* [Labor migration from small Russian cities as a way of survival]. *Sociologicheskie issledovanija*. 6, 79–87 [in Russian]

Bilous Viktoriia

Ph.D. student, <https://orcid.org/0000-0002-5153-4452>, vikipva@gmail.com

Стаття надійшла / Article arrived: 18.05.21

Схвалено до друку / Accepted: 29.06.21